

# МІЖНАРОДНЕ ПРАВО



**Щёкин Юрий Вадимович,**  
доктор юридических наук,  
доцент кафедры права Европейского Союза,  
Национальный юридический университет  
имени Ярослава Мудрого,  
Украина, г. Харьков  
e-mail: yuri.v.shchokin@gmail.com  
ORCID 0000-0002-8082-2367

doi: 10.21564/2414–990X.152.224433

УДК 341.645.2: 341.1

## ПРИМЕНЕНИЕ ДОКТРИНЫ ПОДРАЗУМЕВАЕМОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН

*Статья посвящена анализу практики Международного суда ООН по применению доктрины подразумеваемой компетенции. Изучены основные решения и консультативные заключения данного органа. Определены принципы и способы толкования уставов международных межправительственных организаций при применении этой концепции. Проведен сравнительный анализ доктрины подразумеваемой компетенции с доктриной имманентной компетенции, которая позволяет толковать уставы международных организаций чрезвычайно широко – отталкиваясь только от их уставных целей. На основе изучения практики Суда автор статьи пришел к выводу о том, что этот орган поддерживает именно доктрину подразумеваемой компетенции.*

**Ключевые слова:** Международный суд ООН; доктрина подразумеваемой компетенции; доктрина имманентной компетенции; устав международной межправительственной организации.

**Щокін Ю. В.,** доктор юридичних наук, доцент кафедри права Європейського Союзу, Національний юридичний університет імені Ярослава Мудрого, Україна, м. Харків.  
e-mail: yuri.v.shchokin@gmail.com ; ORCID 0000-0002-8082-2367

### **Застосування концепції домислованої компетенції у практиці Міжнародного суду ООН**

*Стаття присвячена аналізу практики Міжнародного суду ООН щодо застосування концепції домислованої компетенції. Досліджено основні рішення і консультативні висновки цього органу. Визначено принципи і способи тлумачення статутів міжнародних міжурядових організацій щодо застосування цієї концепції. Зроблено порівняльний аналіз концепції домислованої компетенції порівняно з концепцією імманентної компетенції, яка дозволяє тлумачити статuti міжнародних організацій надзвичайно широко – відштовхуючися лише від їх статутних цілей. На основі*

*дослідження практики Суду автор статті дійшов висновку, що цей орган підтримує саме теорію домислюваної компетенції.*

**Ключові слова:** Міжнародний суд ООН; концепція домислюваної компетенції; концепція імманентної компетенції; статут міжнародної міжурядової організації.

**Постановка проблеми.** Расширительное толкование уставов международных межправительственных организаций (ММПО) чаще всего обосновывают применением концепции подразумеваемой компетенции (implied powers doctrine). В широком смысле она предполагает право международных организаций устанавливать для себя наличие таких полномочий, которые прямо не предусмотрены в тексте устава. Учитывая, что при разработке устава государствами-учредителями предвидеть полный комплекс отношений, которые призвано урегулировать создаваемое международное объединение на долгосрочной основе, и создать под него нормативную базу, – это, в принципе, непосильная задача, появление данной концепции в определённом роде было объективно необходимо. Тем более, что прописанная в уставах процедура внесения изменений и дополнений в них, как правило, весьма сложная, что роднит их с так называемыми «жесткими» конституциями государств.

В то же время политическая практика принятия решений в рамках ММПО выявила во многих случаях стремление к абсолютизации применения данной концепции, намерение использовать её для обоснования деятельности, не имеющей прямых указаний в их уставах. К примеру, в своё время немало споров вызвала резолюция 377 (V) Генеральной Ассамблеи ООН от 3 ноября 1950 г. «Единство в пользу мира», предусматривающая передачу «в особых случаях» полномочий Совета Безопасности по поддержанию международного мира и безопасности Генеральной Ассамблее, что прямо противоречило Уставу ООН. Юридически уязвимыми были основания учреждения Генеральной Ассамблеей ЮНКТАД (резолюция 1995 (XIX) от 30 декабря 1964 г.) и ЮНИДО (резолюция 2152 (XXI) от 17 ноября 1966 г. на основании ст. 22 Устава ООН. В этой статье за Генеральной Ассамблеей до сих пор не закреплены соответствующие полномочия. Похожая ситуация была с созданием Советом Безопасности ООН Международного трибунала в отношении бывшей Югославии (резолюция 827 (1993) от 25 мая 1993 г.) и Международного трибунала по Руанде (резолюция 955 (1994) от 8 ноября 1994 г.). Также широко известным примером является миротворческая деятельность ООН. Практика по ней колоссальная, а в Уставе ООН о ней нет ни слова.

В доктрине международного права такая абсолютизация подразумеваемой компетенции воплотилась в форме другой теории – концепции имманентной компетенции (inherent powers doctrine). В середине XX века её разрабатывали Э. Х. де Аречага (E. J. de Arechaga), Ш. Розен (S. Rosenne), Ф. Сайерстед (F. Seyersted), В. Фридман (W. Friedmann) и др. В советской науке эта концепция жёстко критиковалась в работах В. М. Корецкого (V. M. Koreckij), И. И. Лукашука (I. I. Lukashuk), Г. И. Морозова (G. I. Morozov), И. С. Пере-

терского (I. S. Pereterskij), Г. И. Тункина (G. I. Tunkin), Е. А. Шибяевой (E. A. Shibaeva) и др. В частности, в СССР и за его пределами широко известны крайне негативный анализ позиций вышеуказанных западных авторов, данный Г. И. Тункиным в его популярном труде по теории международного права [1, с. 284–290]. Следует подчеркнуть, что современная западная литература зачастую повторяет аргументацию советских учёных. Нередко то, о чём писали отечественные специалисты несколько десятилетий назад (а именно: устав ММПО есть прежде всего международный договор и, следовательно, толковаться он должен соответствующим образом), за рубежом выдаётся сейчас как «новейшая» тенденция в понимании и толковании уставов ММПО. Об этом, по сути, пишут Д. Аканде (D. Akande) [5, р. 437–467; 6, 269–297] и В. Энгстрём (V. Engström) [13, р. 127–212; 14, р. 39–49]. Также из современной иностранной литературы по данной тематике хотелось бы выделить работы таких авторов, как К. Ф. Амерасингх (C. F. Amerasingh) [7, р. 24–130], В. Р. Бхуттия (W. R. Bhutia) [8], С. Дж. Гудбрандсен (S.G. Gudbrandsen) [16], Я. Клабберс (J. Klabbers) [18, р. 38–73], М. Н. Шоу (M. N. Show) [21, р. 932–938, 1306–1309].

Из работ украинских авторов заслуживает внимания статья А. П. Шумиленко и Ю. В. Осельской [4], в которой учёные указали общие доктринальные подходы к установлению содержания теории подразумеваемой компетенции в теории и отчасти в практике права международных организаций.

Представляется, что данная тема исследований требует более глубокой специализации. Практика Международного суда ООН, несомненно, представляет одно из важнейших направлений.

**Целью** настоящей статьи является обобщение и анализ практики применения концепции подразумеваемой компетенции Международным судом ООН – органом, правовые позиции которого традиционно оказывают значительное влияние на всё международное право. Ставится задача выявить и охарактеризовать специальные принципы и способы толкования уставов ММПО, позволяющие отличать случаи обоснованного использования подразумеваемых полномочий от нарушений уставов в практике ММПО.

**Изложение основного материала.** В практике Международного суда ООН (далее – Суд) концепция подразумеваемой компетенции стала результатом воплощения *принципа эффективности*, чаще всего выражающийся в доктрине и судебной практике латинской максимой *ut res magis valeat quam pereat*. Данная формула есть частью более общего утверждения – *interpretatio fienda est ut res magis valeat quam pereat* («толкование должно быть таким, чтобы соглашение было действенным, а не бездейственным»).

Принцип эффективности – основополагающий общий принцип толкования международных договоров. В Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. он закреплён в п. 1 ст. 31: «Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора». В общем международном праве его значение отмечалось, в частности, в

позициях сторон спора – Испании и Канады – в деле о юрисдикции в области рыболовства (1998 г.) [15, р. 432] и самим Международным Судом [15, р. 455].

Комиссия международного права ООН (далее – КМП) указывает, что «максима *ut res magis valeat quam pereat* отражает действующее общее правило толкования, ... требующее, чтобы договор толковался *in духе доброй воли (in good faith)* в соответствии с обычным значением, придаваемым его терминам в контексте договора и *in свете его объекта и цели*» [23, р. 219].

По мнению М. Н. Шоу, принцип эффективности имеет целью обеспечение полного эффекта нормам международного договора в соответствии с намерением сторон и в соответствии с нормами международного права [21, р. 936]. В. Р. Бхутия пишет, что данный принцип призван гарантировать нормам международного договора полную эффективность, т.е. выполнение [8].

Р. А. Каламкарян указывает на содействие принципа эффективности устранению «пробелов» в праве, «и поэтому заранее исключающему возможность ссылок одного из участников спора на отсутствие или неясность подлежащей применению нормы права» [3, с. 69]. При этом учёный подчёркивает, что «при условии его должного применения принцип *ut res magis valeat quam pereat* отнюдь не ведёт к «расширительному» или «либеральному» толкованию международного договора, а содействует его наиболее эффективному применению и тем самым обеспечивает достижение адекватного и окончательного разрешения спора» [3, с. 70].

Собственно, в этом же и состояла изначальная позиция КМП, противопоставившая принцип эффективности, воплощенный в максиме *ut res magis valeat quam pereat*, «так называемому принципу «эффективного толкования»», ведущего к пересмотру договора [23, р. 219]. Х. Нишитани, комментируя данное мнение Комиссии, указал на узкий смысл понимания принципа эффективности со стороны разработчиков Венской конвенции 1969 г., выражающийся в преобладающем применении его при реализации текстуального метода толкования норм международных договоров («обычное значение слов») над субъективным («намерение сторон») и теологическим («цель и предмет») методами [20, р. 47–49].

Применение принципа эффективности к международным договорам, являющимся уставами ММПО, как также отмечает В. Р. Бхутия, предполагает его особую «динамическую манеру», заключающуюся в более гибкой «динамической интерпретации» текста [8].

Такой же позиции придерживается М. Н. Шоу. Он считает, что применительно к уставам ММПО, как особым международным договорам, принцип эффективности соединён с более широким целевым подходом, используемым в особой динамической манере. По мнению М. Н. Шоу, в результате сформировался «более гибкий метод толкования, кажущийся оправданным, поскольку он касается документа, используемого для того, чтобы охватить заявленные цели данной организации. Кроме того, конечно, концепция и природа последующей практики имеет в таких случаях дополнительное значение» [21, р. 936–937].

Как представляется, с более практичной позиции охарактеризовал применение принципа эффективности в отношении уставов ММПО Б. Чигара. «Этот принцип указывает, – пишет он, – что когда возможны два толкования одной и той же статьи, правильным толкованием будет то, которое лучше обеспечивает выполнение целей организации» [10, р. 80].

По мнению Х. Нишитани, применение принципа *ut res magis valeat quam pereat* к учредительному документу международной организации означает, «что организация должна иметь конкретную компетенцию для того, чтобы осуществлять свои полномочия, цели и функции эффективно. Компетенция происходит из концепции эффективности, как однажды назвали подразумеваемые полномочия» [20, р. 47].

С теоретической точки зрения принцип эффективности воплощает в себе функциональный подход к ММПО, поскольку, как отмечает В. Энгстрём, влечёт за собой «динамическую картину» о них, когда организации должны обладать способностями действовать и приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам, принося в жертву интересы национальных суверенитетов [14, р. 41–42].

В доктрине считается, что эталонным воплощением функциональной идеологии в праве международных организаций было консультативное заключение по делу *о возмещении ущерба, понесённого на службе ООН*, от 11 апреля 1949 г. После убийства 17 сентября 1948 г. в Иерусалиме еврейской террористической группой, известной как «банда Стерна» (Stern Gang) [11, р. 6], посредника ООН графа Ф. Бернадотта перед ООН встал ряд вопросов, прямых ответов на которые в Уставе этой организации не было. Основными из них были: международная правосубъектность ООН и возможность расширительного толкования её Устава. Выводы Суда определили его дальнейшую практику и стали опорными для аналогичной практики других международных организаций.

В данном консультативном заключении Суд разбирался в том, может ли ООН осуществлять на международной арене действия по защите своих агентов по аналогии с действиями государств, осуществляющих дипломатическую защиту своих граждан за рубежом. Поскольку в Уставе организации такое право прямо не предусмотрено, Суд был вынужден устанавливать его на основе доктрины подразумеваемой компетенции. Суд заявил: «По международному праву должно предполагаться, что Организация имеет такие полномочия, которые, хотя они прямо и не предусмотрены Уставом, предоставлены ей в силу логики вещей как существенно необходимые для выполнения её обязанностей» [22, р. 182].

Источником таких полномочий, как следует далее по тексту заключения, есть цели и функции организации, которые надлежит толковать в свете обеспечения её эффективной работы: «... выполнение её задач, а также независимость и эффективность работы её агентов требует, чтобы эти обязательства строго соблюдались» [22, р. 183]. Общий вывод Суда в контексте рассматриваемого вопроса состоял в следующем: «На основе исследования характера и функций,

доверенных Организации, и природы миссий её агентов становится очевидно, что способность Организации осуществлять меры функциональной защиты её агентов необходимо подразумеваются в её Уставе» [22, р. 184].

В консультативном заключении от 13 июля 1954 г. по делу *о юридической силе решений Административного трибунала ООН о присуждении денежных компенсаций* Международный суд дал яркий пример практического применения теории подразумеваемых полномочий. Заключение Суда стало ответом на запрос Генеральной Ассамблеи, усомнившейся в обоснованности просьбы Генерального секретаря о дополнительном выделении 179 420,00 долларов США на покрытие выплат ООН компенсационных платежей членам своего персонала, присуждённых одиннадцатью решениями Административного трибунала. Генеральная Ассамблея спрашивала Международный суд о следующем: а) имеет ли она право отказаться от утверждения выплат таких компенсаций, и б) в случае положительного ответа на предыдущий вопрос, на каком основании она может это сделать [12, р. 48].

Для ответа на них Международный суд должен был выяснить, во-первых, что имела в виду Генассамблея, утверждая Статут Трибунала, и, во-вторых, имела ли она на это право согласно Устава Организации.

В первом случае Международный суд определил свою задачу следующим образом: «Сначала Суд должен установить учреждён ли Трибунал в качестве судебного органа (*judicial body*) или консультативного органа или просто подчинённого комитета Генеральной Ассамблеи» [12, р. 51]. По мнению Суда, уже сама лексика статей 1, 2 и 10 Статута Трибунала, а именно использование слов «трибунал», «решение», «принимать решение по заявлениям» и др., соответствует лексике, используемой в уставах международных судов. А положения Статута, касающиеся решений Трибунала (п. 3 ст. 3 и ст. 9), не позволяют прийти к выводу о том, что его функции носят консультативный характер. Его решения юридически обязательны для всех органов Организации Объединённых Наций [12, р. 51–54].

Отвечая на вопрос о возможности отказа Генеральной Ассамблеи от исполнения решений Трибунала, Суд подчеркнул, что «Статут Административного трибунала не предусматривает какой-либо процедуры пересмотра его решений» [12, р. 54] и даже в исключительных случаях [12, р. 55]. При этом у Генеральной Ассамблеи согласно ст. II Статута Трибунала есть право дополнить Статут соответствующей процедурой пересмотра [12, р. 56].

Во втором случае Международный суд признал, что в Уставе ООН нет положений, которые закрепляли бы право Генеральной Ассамблеи учреждать судебные органы, но нет, однако, и запрета это делать. Вместе с тем, как отметил Суд, такое право может подразумеваться, о чем он уже указывал в своем предыдущем консультативном заключении по делу *о возмещении ущерба, понесённого на службе ООН* (1949 г.). Следовательно, перед ним стоит задача изучить положения Устава ООН, регулирующие отношения между Организацией и её персоналом, на предмет наличия подразумеваемых полномочий Организации

учредить судебный орган (трибунал) для разрешения споров, вытекающих из трудовых контрактов [12, р. 56].

В дальнейшем последовал детальный анализ положений Устава ООН, так или иначе относящихся к данным правоотношениям. В частности, были отмечены нормы главы XV, предусматривающие создание Секретариата как одного из главных органов Организации, включающие в себя Генерального секретаря и персонал. Генеральный секретарь является «главным административным должностным лицом Организации», назначаемым Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности (ст. 97). Персонал Организации назначается Генеральным секретарём и должен соответствовать определённым критериям. Согласно п. 3 ст. 101 Устава ООН, «при приёме на службу и определении условий службы следует руководствоваться, главным образом, необходимостью обеспечить высокий уровень работоспособности, компетентности и добросовестности». Создание Секретариата, как далее отметил Суд, предполагает ситуацию, при которой отношения между персоналом и Организацией регулируются «комплексным правовым кодексом» (complex code of law). Следовательно, «неизбежно должны быть споры между Организацией и членами персонала в отношении их прав и обязанностей». А поскольку Устав ООН не предусмотрел соответствующего органа для их разрешения, это, по мнению Суда, «едва ли может соответствовать выраженной в Уставе цели содействовать свободе и справедливости для индивидов и постоянной озабоченности Организации Объединённых Наций содействовать этой цели, потому что она не может позволить себе не иметь судебного или арбитражного средства для разрешения любых споров, возникающих между нею и ими» [12, р. 57]. В итоге Суд пришёл к логичному выводу о том, что компетенция ООН создавать такие трибуналы «необходимо подразумевается в Уставе» [12, р. 57].

Как видим, использованная Международным судом теория подразумеваемой компетенции состояла главным образом в устранении пробелов в Уставе ООН посредством словесного (грамматического), систематического и логического толкования его текста. Объективная необходимость наличия Трибунала логично вытекала из текстуального содержания Устава. Оно было обусловлено как рядом конкретных нормативных предписаний, имеющих в тексте и устанавливавших основы международно-правового регулирования отношений ООН со своим персоналом, так и соответствовало целям Организации. Роль последних была авторитетной, но не была доминирующей. Суд нашёл, как представляется, достаточное количество свидетельств первоначального замысла государств – учредителей Организации, в силу определенных причин не нашедшего полного воплощения в тексте Устава.

Такой же подход был использован Международным судом и при рассмотрении других дел. Так, в консультативном заключении *об определённых расходах Организации Объединённых Наций (пункт 2 статьи 17 Устава)* (1962 г.) Суд согласился с тем, что расходы Организации должны строго соответствовать её целям «в том смысле, что если расходы произведены для цели, которая не

является одной из целей Организации Объединённых Наций, они едва ли могут рассматриваться в качестве «расходов Организации»» [9, р. 167].

В связи с тем, что предметом исследования Суда в данном заключении были расходы, связанные с Чрезвычайными вооружёнными силами ООН на Ближнем Востоке и с операциями ООН в Конго, основными целями, соответствующими им, были поддержание международного мира и обеспечение безопасности. Суд заметил, что они имеют весьма широкое, но не неограниченное толкование. Так, рассматривая такие первоочередные цели ООН как сохранение международного мира и обеспечение безопасности, Суд заявил: «Эти цели на самом деле являются широкими, но ни они, ни полномочия, переданные для достижения их, не являются неограниченными. Сохраняя (полномочия – Ю. Ш.) такими, какими они переданы Организации для достижения этих общих целей, государства-члены сохраняют свою свободу действий. Когда Организация предпринимает действие, оправдывающее утверждение о том, что оно необходимо для достижения одной из целей Организации Объединённых Наций, презюмируется, что такое действие не выходит за рамки компетенции Организации» [9, р. 168].

Особое внимание следует обратить на последнее предложение из вышеприведенной позиции Международного суда. Вырванное из контекста, оно нередко используется для легализации практики самого широкого толкования уставов ММПО – подтверждения Международным судом правомерности применения концепции «имманентной» компетенции [см., напр.: 2, с. 58]. На наш взгляд, оно, напротив, прямо указывает на обратное – на привязку к конкретным полномочиям организации, переданным ей её государствами-членами. Это также подтверждается логикой аргументации Суда по данному делу. Он не ограничил своё обоснование правомерности расходов ООН только лишь ссылками на её уставные цели, а провёл всестороннее исследование норм Устава Организации.

В тех делах, в которых Международный суд прямо не заявил о применении им теории подразумеваемой компетенции, но при этом должен был решать вопрос о преодолении пробелов в Уставе ООН, его выводы всегда были результатом скрупулёзного анализа имеющихся текстуальных формулировок Устава, их сопоставления с содержанием других документов, а также учётом исторических условий, предшествующих их принятию. К примеру, при рассмотрении *международного статуса Юго-Западной Африки* в 1950 г. Суд отмечал: «Могут возникнуть определённые сомнения вследствие того, что контрольные функции Лиги (Лиги Наций – Ю. Ш.) в отношении подмандатных территорий не включены в новую систему опеки, не были конкретно переданы Организацией Объединённых Наций и конкретно приняты на себя этой Организацией» [17, р. 136]. Тем не менее, как далее указал Суд, «обязательство государства-мандатария признать международный контроль и представлять доклады является важным элементом мандатной системы. Когда авторы Статута (Лиги Наций – Ю. Ш.) создавали эту систему, они полагали, что эффективное выполнение святой цивилизаторской миссии властей-мандатариев требует, чтобы управле-



ние подмандатными территориями должно быть предметом международного контроля. Авторы Устава (ООН. – Ю.Щ.) подразумевали тоже самое, когда создавали международную систему опеки. Необходимость в надзоре продолжает существовать, несмотря на исчезновение надзорного органа, предусмотренного мандатной системой» [17, р. 136]. Данные «общие рассуждения», дополненные анализом обязательств Южно-Африканского Союза по ст. 22 Статута Лиги Наций и сопоставлением целей Лиги с целями ООН, позволили Международному суду «шире» подойти к формулировке п. 1 ст. 80 Устава ООН, предусматривающей сохранение прав государств и народов или условий существующих международных соглашений до тех пор, пока указанные территории не будут включены в систему опеки.

В консультативном заключении о законности использования государством ядерного оружия в вооруженном конфликте (1996 г.) Международный суд отказался рассматривать заявление Всемирной организации здравоохранения по существу в связи с тем, что поднятый ею вопрос явно выходил за рамки её уставной компетенции [19, р. 66]. Ни один из подпунктов (от «а» до «v») ст. 22 Устава ВОЗ 1946 г. (с изменениями и дополнениями 1960, 1975, 1977, 1984 и 1994 гг.) не содержит конкретных ссылок на вопросы о законности любой деятельности, причиняющей вред здоровью, и «ни одна из функций ВОЗ не зависит от законности ситуаций, в результате которых она должна действовать» [19, р. 75–76]. Как далее отметил Суд, «используется ли ядерное оружие законно или незаконно, его воздействие на здоровье всегда будет одинаковым» [19, р. 77]. Суд отказался применить в данном случае теорию подразумеваемой компетенции в силу принципа специализации (principle of specialty), реализовывать который должны все международные межправительственные организации и который отличает их от государств, как субъектов, обладающих в международном праве общей компетенцией. Неукоснительное соблюдение это принципа особенно актуально для ВОЗ, как «международной организации особого типа», а именно – специализированного учреждения ООН, состоящего с последней в особых договорных отношениях на основании статей 57, 58 и 63 Устава ООН и Договора между ООН и ВОЗ от 10 июля 1948 г. По мнению Суда, «необходимо учитывать не только общий принцип специализации, но также и логику всей системы, предполагаемой Уставом» [19, р. 78–80].

**Выводы.** Концепция подразумеваемой компетенции в практике Международного суда ООН применяется на основании обычно-правового принципа эффективности, направленного на обеспечение полной (эффективной) реализации положений уставов международных межправительственных организаций, как особых международных договоров, в соответствии с первоначальными намерениями государств-учредителей и нормами международного права. Международный суд, делая выводы о наличии прямо не указанных в тексте Устава ООН нормативно-правовых норм, никогда не ограничивался обоснованием их лишь уставными целями этой организации. Он всегда дополнительно использовал словесный (грамматический), логический, систематический и исторический спо-

собы толкования, применяемые к любым международным договорам и позволяющие установить общий смысл подразумеваемых полномочий, соотнести его с содержанием писанных норм уставов, норм других международно-правовых актов, имеющих отношение к исследуемой деятельности ММПО, а также с документами, выявляющими первоначальные намерения государств-учредителей, закреплённые в тексте Устава.

### References

1. Tunkin, G.I. (2000). *Teoriya mezhdunarodnogo prava*. Moscow: Zercalo [in Russian].
2. Ananidze, F.R. (2014). *Kompetencija mezhdunarodnyh mezhpriatel'stvennyh organizacij: Pravo mezhdunarodnyh organizacij*. A. H. Abashidze (Ed.). Moscow: Jurajt [in Russian].
3. Kalamkarjan, R.A. (2012). *Mezhdunarodnyj sud kak organ pravosudija po razresheniju sporov mezhdu gosudarstvami*. *Gosudarstvo i pravo*, 8, 66–75 [in Russian].
4. Shumilenko, A.P., Oselska, Yu.V. (2012). *Kontseptsiiia «domysliuvanoi kompetentsii» mizhnarodnykh mizhuriadovykh orhanizatsii u suchasnomu mizhnarodnomu pravi*. *Naukovyi visnyk Lvivskoho derzhavnoho universytetu vnutrishnikh sprav*, 4, 134–144 [in Ukrainian].
5. Akande, D. (1998). The Competence of International Organizations and the Advisory Jurisdiction of the International Court of Justice. *European Journal of International Law*, vol. 9, 437–467.
6. Akande, D. (2003). *International Organizations*. *International Law*. 1st edition / ed. by M. D. Evans. U.S.A., Oxford University Press Inc., New York.
7. Amerasinghe, C.F. (2005). *Principles of the Institutional Law of International Organizations*. 2nd ed. Cambridge University Press.
8. Bhutia, W.R. *Implied Powers of the United Nations*. URL: [http://www.lawyersclubindia.com/articles/Implied-Powers-of-the-United-Nations-2718.asp#.U5wUL\\_h0KUk](http://www.lawyersclubindia.com/articles/Implied-Powers-of-the-United-Nations-2718.asp#.U5wUL_h0KUk).
9. *Certain Expenses of the United Nations (Article 17, paragraph 2, of the Charter)*, Advisory Opinion of 20 July 1962: *I.C.J. Reports* 1962. p. 151.
10. Chigara, B. (2001). *International Organization and Custom: From 1920 to Contemporary Perspectives*. *Deficit in Customary International Law: A Deconstructionist Critique*. Aldershot, England: Burlington, V. T.: Ashgate/Dartmonth.
11. Chelali, T. (2011). *International Legal Personality and International Organizations*. *International Law Conference. Mr. Heugas-Darraspen. March 11th*. 6 p.
12. *Effect of Awards of Compensation Made by the U.N. Administrative Tribunal*, Advisory Opinion of July 13th, 1954: *I.C.J. Reports*, 1954. p. 47.
13. Engström, V. (2009). *Understanding Powers of International Organizations*. Ebo: Ebo Akademi University Press, 2009.
14. Engström, V. (2012). *Constructing the Powers of International Institutions*. Leiden, The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers.
15. *Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada)*, Jurisdiction of the Court, Judgment of 4 December 1998. *I.C.J. Reports* 1998. p. 432.
16. Gudbrandsen, S.J. *Legal Personality of International Organizations*. The University of Oslo. URL: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/18865/2304AvhSJG.pdf?sequence=3>.
17. *International Status of South-West Africa*, Advisory Opinion of 11 July 1950. *I.C.J. Reports* 1950. p. 128.
18. Klabbers, J. (2009). *An Introduction to International Institutional Law*. 2nd ed. Cambridge University Press.
19. *Legality of the Use by a State of Nuclear Weapons in Armed Conflict*, Advisory Opinion of 8 July 1996, *I.C.J. Reports* 1996. p. 66.
20. Nishitani, H. (1986). *The Doctrine of Implied Powers with Special Reference to the International Sea-Bed Authority (I)*. 一橋研究. *Hitotsubashi Journal of Social Sciences*, vol. 10, issue 4, 19–59.

21. Shaw, M.N. (2008). *International Law*. 6<sup>th</sup> ed. New York, U.S.A.: Cambridge University Press.
22. *Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations*. Advisory Opinion of 11 April 1949. *ICJ Reports*, 1949. p. 174.
23. Report of the International Law Commission on the work of its Eighteenth Session, Geneva, 4 May – 19 July 1966 (A/6309/Rev. 1). *Yearbook of the International Law Commission*. 1966. Vol. II, 172–363.

**Shchokin Yu. V.**, Doctor of Law, Assistant Professor of the European Union Law Department, Yaroslav Mudryi National Law University, Ukraine, Kharkiv.  
e-mail: yuri.v.shchokin@gmail.com ; ORCID 0000-0002-8082-2367

### **Implementation of the Implied Powers Doctrine by the UN International Court of Justice**

*The article provides for an overview and analysis of the UN ICJ's practice on implementation of the implied powers doctrine. Main Court's cases (judgments and advisory opinions) related to this doctrine were examined (Reparation for Injuries Suffered in the Service of the UN (1949), Effect of Awards of Compensation made by the UN Administrative Tribunal (1954), Certain Expenses of the UN (1962), Legality of the Use by a State of Nuclear Weapons in Armed Conflict (1996), and Fisheries Jurisdiction (1998)).*

*It is noted that the implied powers doctrine became an implementation of the principle of efficiency, which is well known in international judicial practice as the principle interpretatio fienda est ut res magis valeat quam pereat. It allows to interpret the charters of international organizations in a more 'dynamic manner'. The implied powers doctrine, on the one hand, expands the limits of such interpretation, and on the other hand, it limits it. Its antipode is the doctrine of inherent powers that allows to make more broadly interpretation of the charters of international organization based only on its goals. In this connection a comparative analysis of two competing doctrines – of implied powers and inherent powers – is made.*

*The author of the article examined the legal positions of the International Court of Justice that allow to the supporters of the inherent powers doctrine to assert that it has wide application. But, based on the methods of interpretation used by the ICJ in making these judgments and advisory opinions, he come to the conclusion that the Court fully supports exactly the implied powers doctrine.*

**Keywords:** International Court of Justice; implied powers doctrine; inherent powers doctrine; charter of international intergovernmental organization.

**Рекомендоване цитування:** Шчєкин Ю. В. Применение доктрины подразумеваемой компетенции в практике Международного суда ООН. *Проблеми законності*. 2021. Вип. 152. С. 152–162. doi: <https://doi.org/10.21564/2414-990X.152.224433>.

**Suggested Citation:** Shchokin, Yu.V. (2021). Primenenie doktriny podrazumevaemoj kompetencii v praktike Mezhdunarodnogo suda OON [Implementation of the Implied Powers Doctrine by the UN International Court of Justice]. *Problemy zakonnosti – Problems of Legality, issue 152, 152–162*. doi: <https://doi.org/10.21564/2414-990X.152.224433> [in Russian].

*Надійшла до редколегії 01.02.2021 р.*